

Время перемен

Озирьис

ИННА ТРОНИНА

Время перемен

Инна Трoнина

Озирис

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Трoнина И.

Озирис / И. Трoнина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Время перемен)

Летом 1992 года в Петербурге скончался итальянский предприниматель Марио Санторио. Вскрытие показало инфаркт, но некоторое время спустя было установлено, что итальянцу помогли уйти в мир иной какие-то неведомые злодеи. За год до этого, в Москве, при точно таких же обстоятельствах, умер южнокорейский бизнесмен Ким Ён Юн. Примерно в это же время в Ленинградской области нашли трупы молодой женщины, маленького ребёнка и мужчины средних лет со следами жестоких издевательств...

© Трoнина И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Инна Трoнина

OЗИРИС

ЧАСТЬ 1

Грoхот музыки подполковник Петренко услышал ещё на подходе к дому Андрея Oзирского и брезгливо поморщился. Геннадий Иванович был готов удавить всех любителей громко врубать «музычку» и не прощал этого даже всеобщему любимцу. Конечно, он мог подождать со своим делом и до третьего числа, а не портить Андрею юбилей. Всё равно синьор Марио Санторио уже мёртв, и два дня здесь никакой роли не сыграют.

Андрей вообще удивлял Геннадия Ивановича в последнее время всё больше и больше. Двух месяцев не прошло со дня гибели его матери, а он уже опять резвится, как ни в чём не бывало. Не такая бы, казалось, важная дата – тридцать пять лет; можно было и отменить из-за траура. Ведь Oзирский с матерью не конфликтовал. Наоборот, тяжело переживал её внезапную и безвременную кончину.

На похоронах, помнится, стоял голубовато-бледный, скрипел зубами от горя. Чуть не прибил своего сына, когда тот испугался покойницу в гробу и бросился вон из зала. Кстати, Женька так и не поцеловал бабушку в лоб. А вот теперь, пожалуйста, Андрей отрывается по полной. Боль получилась, как при ушибе локтя – острая, но короткая.

Официальное чествование Oзирского состоялось вчера, тридцать первого июля. Это произошло в Главке, в присутствии высокого начальства. Перед этим все скинулись на подарок и цветы. Сумма получилась приличная, потому что на Андрея, даже при высоких ценах, денег не жалели. Кроме того, дежурный вчера просто взвыл. Толпы всевозможного народа ломились в Главк и умоляли пустить к Андрею. Когда же получали окончательный отказ, оставляли свои цветы для последующей передачи юбиляру.

Когда Петренко прибыл вниз для разбирательства, несчастный капитан Голубкин сидел по уши в гладиолусах, флоксах и розах. По лицу его струился пот, а в холле благоухало, будто в райском саду. Все цветы Андрей домой взять не смог, и остаток дня одаривал букетами не только дам, но и мужиков, чтобы они украсили свои кабинеты.

Первый день августа погодой не порадовал – дул холодный ветер; по ярко-голубому небу ползли на восток грязные облака. Выглянувшее солнце резануло глаза приторной яркостью, а Фонтанка заискрилась золотой рябью. Петренко зачем-то потуже затянул пояс плаща, хотя ему вскоре предстояло раздеться. Потом снял очки и мягкой фланелькой протёр стёкла. Самого Геннадия вызвали в субботу на службу, и Захар Горбовский объяснил ему суть дела.

Поскольку скончался иностранец, ГУВД и Петербургское управление безопасности подняли на ноги незамедлительно. В Гранд-отеле «Европа» двадцать восьмого июля остановился прибывший из Москвы господин Марио-Паоло Санторио. Вчера утром его нашли в номере мёртвым. Как установило вскрытие, смерть наступила от острой сердечной недостаточности. Потрясённые свалившимся на них горем, родители Марио – Джузеппе и Ромина Санторио – утверждают, что их сын никогда не жаловался на сердце...

Геннадий свернул с набережной в подворотню. Музыка стихла, и подполковник, поднимаясь по выщербленным ступеням лестницы старого дома, уловил бречание гитары. Очень не хотелось портить Андрею праздник, но нужно было срочно включаться в работу по выявлению причин смерти итальянца. Может быть, тот просто скрывал от родителей болезнь сердца. Вероятно, и сам не догадывался. Ведь не молоденький уже мужик – пятьдесят лет. Но, как ни отбрыкивайся, всё равно придётся впрягаться – жизнь иностранца стоит жизни ста россиян.

Впрочем, Андрея это дело может и не затронуть. Геннадию предстояло пренеприятнейшее дело – беседа с Минцем. Десятого августа на службу выходил Александр Турчин, а до тех пор связями с Интерполом ведал один человек. Но до следующего понедельника ждать было нельзя, и Петренко отправился на Фонтанку.

Подполковник поднялся к квартире Озирского и остановился у двери с начищенной медной табличкой; на ней была выгравирована лавровая ветвь. Бронированная дверь, против ожидания, была приоткрыта, и Петренко осуждающе покачал головой. Андрей никак не мог позволить себе такую роскошь.

Полдень весенний, река серебрится,
Вышел из храма народ...

запел в квартире Филипп Киркоров.

Петренко вытер ноги о коврик и локтем толкнул дверь. Тяжёлая створка поехала вглубь квартиры, и тут же раздался стук молотка. Гость заглянул в прихожую и увидел странную картину. На полу, в праздничном французском платье, сидела Лёлька и сосредоточенно забивала в пол длинный гвоздь.

Геннадий Иванович только хотел присесть к малышке и поздороваться с ней, как заметил за вешалкой длинные ноги и белоснежную мини-юбку Клавдии Масленниковой. Та стояла спиной к входной двери, и в её золотистых распущенных волосах копались смуглые гибкие пальцы Саши Минца.

Больше никого в прихожей не было – все гомонили в столовой. Оттуда пахло дорогим алкоголем и столь же изысканными сигаретами. Незнакомый голос упрасивал Андрея спеть песню польского Сопротивления. Звенели бокалы, слышался женский смех, шёлкала отскакивающая крышка магнитофона. Жужжала, как целый улей пчёл, терзаемая кем-то из гостей гитара.

– Дядя Гена плисол! – крикнула Лёлька и заколотила по шляпке гвоздя с удвоенной силой.

Тем временем Сашины руки уже покинули водопад волос и перекочевали на талию Клавдии, а потом полезли под мини-юбку. Клава хихикала и всё крепче прижималась к Минцу. Сосались они, видимо, уже давно. Петренко два раза кашлянул, но на влюблённых это не произвело никакого впечатление. На Лёльку они тоже не обращали внимания. Девочка, наконец, бросила молоток и подбежала к Петренко.

– А ты пить будешь? – спросила она деловито.

– Нальют – выпью.

Петренко поспешно взял Лёльку на руки, чтобы она не видела происходящего за вешалкой.

– А какой у тебя подалок? – продолжала дознание Лёлька, засовывая руку к гостю за пазуху.

Геннадий Иванович достал обёрнутый целлофаном рубиновый леденец на палочке. Такие им с братьями приносили редко, и только по большим праздникам. Лёлька тут же стала срывать обёртку, а Петренко закашлялся так, что в столовой смолк шум. Целующиеся же продолжали игнорировать всё вокруг – кроме плотской страсти, для них ничего не существовало.

Андрей появился в прихожей – в стального цвета костюме и галстук под павлиний хвост. Он был такой блестящий и неприступный, чтобы даже шеф оробел. Между пальцами Озирского вальяжно дымилась кубинская сигара.

– Папка, гляди! Дядя Гена дал! – Лёлька завертела облизанным петушком перед носом отца.

– А ты «спасибо» сказала? Конечно, нет, Прости эту бандитку. – Озирский потрепал дочку по кудряшкам. – Все только уходят по-английски, а Иваныч и приходит тоже. Что же вы, шеф, стоите в коридоре?

– Никак дальше не пройти. – Петренко поставил Лёльку на пол и стал снимать плащ.

Он понимал, что пришёл сюда зря. О каком синьоре Санторио можно толковать, если Минц уже напился до чёртиков, и все его мысли сводятся только к койке?

– Что случилось? – спросил Озирский уже серьёзно.

Он махнул гостям, чтобы они ушли в комнату и не смущали подполковника.

– Я только что от Горбовского. Извини, если омрачил твой праздник.

– А что ты дохаешь, как чахоточный? – снова весело спросил Андрей.

Между делом он загнал в другую комнату не в меру любопытного Женьку.

– Да так... – Петренко решил не вдаваться в объяснения. – Тихая комната есть?

– Мой кабинет... О-о, Сашок, ты совсем никакой?

Андрей звонко шлёпнул Клавку по попе, с которой были уже наполовину сдёрнуты кружевные трусики. Она завизжала, оглянулась, увидела Петренко и сломя голову бросилась на кухню. Минц привалился лбом к стене, оклеенной моющимися обоями под бронзу. От него разило спиртным, и смоляные колечки волос прилипли ко лбу.

– Сашок, сам до унитаза дойдёшь, или тебе помочь?

Андрей хотел взять Минца под локоть, но это раньше сделал Всеволод Грачёв. Он был без пиджака, со сбившимся набок галстуком.

– Севыч, приведёшь его в чувство?

– С удовольствием – я в этом деле профессор. Пошёл, мудака! – Грачёв, закусив губу, пожал руку Петренко. – Извините за выражения... Ещё при ребёнке, козёл, развратом занялся! Шевели копытами!

И Всеволод, матерясь, кстати, при ребёнке, громко захлопнул дверь туалета.

– Пошли в твой кабинет, – предложил Андрею Геннадий Иванович. – Я тебе по-быстрому расскажу, в чём дело. К гостям меня не веди – некогда.

Озирский заглянув в гостиную, разбойным свистом установил тишину. Потом он объявил, что оставит гостей на полчаса; пусть они продолжают насыщаться и развлекаться. В ванной лилась вода, что-то звенело, и слышалась приглушённая брань.

Войдя в кабинет, Андрей достал из хрустального бара бутылку минеральной воды, налил по чашечке кофе, поставил на журнальный столик вазу с фруктами.

Потом подумал и спросил:

– Иваныч, ты коньячку не выпьешь? Армянского, а?

– А что? И выпью! – Петренко потёр руки. – Будь здоров и счастлив! – Геннадий поднял пузатый бокал. – Дай Бог нам справить ещё дюжину твоих юбилеев...

– Я и сам не прочь, – скромно потупился Андрей. – Спасибо на добром слове.

Он выпил коньяк и тут же пригубил чашечку кофе.

– Что там произошло? Раз тебя вызвали в выходной, значит, было за чем.

Распахнулась дверь, и Грачёв выпихнул в коридор Минца. Тот уселся в полукреслице, вытирая своими музыкальными пальцами мокрое лицо. Сейчас он был особенно похож на Али Мамедова, что и отметил Андрей. Петренко откровенно передёрнуло. Он ещё раз возблагодарил судьбу за то, что не является теперь начальником этого хлыща.

– Александр Львович, ты в состоянии выслушать меня сейчас? – осведомился подполковник, попивая кофе.

Минц пожал плечами и пригладил курчавые волосы.

– Можно и мне послушать? – спросил Грачёв, цепляясь плечом за косяк.

Он опустил намокшие рукава рубашки и похлопал по сырым пятнам на светлых брюках.

– Блин, надо бы фартук надеть!..

– Я только хотел тебя об этом попросить, – оживился Петренко.

От их столика веяло ароматом багдадских кофеен. Андрей усвоил рецепт, привезённый Геннадием в позапрошлом году. Тогда заместитель начальника отдела ездил туда в торгпредство, к брату Аскольду.

– Эй, Сашок, очнись! – Андрей звонко похлопал Минца по щекам.

– Ты чем его так напоил? – не выдержал Петренко.

– А он сам пил, мне не докладывал. К тому же, я плохих вин не держу. Ладно, хрен с ним. Не поймёт, так растолкуем. Рассказывай, Иваныч! У меня аж мурашки бегут по спине – так интересно...

– Вот что, ребята! – Петренко смотрел в узкое окно, наполовину забранное атласной морщинистой шторой. – Такое громкое дело случилось, что «мама, не горюй». В «Европейской» тридцатого июля вечером, может быть, уже в ночь на тридцать первое, скончался гражданин Итальянской Республики Марио-Паоло Санторио, сорок второго года рождения...

– Следы насилия имеются? – сразу же перебил Грачёв.

Минц уже пришёл в себя. Он достал пачку «Метро» и неторопливо закурил. Озирский крутил рюмку за ножку, невесело улыбаясь своим мыслям. В гостиной опять завели музыкальный центр. Поставили устаревший «Чингисхан», и теперь на всей лестнице гудели стены.

Рок-н-рол, казачок,
Рок-н-рол, казачок!..

– Нет, медицинское заключение гласит – «обширный инфаркт миокарда». Что-то там про недостаточность коронарных сосудов... Короче, можно сказать, что смерть естественная.

– А почему к естественной смерти привлекают внимание органов, да ещё такого уровня? Андрей тоже достал зажигалку, чиркнул, посмотрел на синеватый язычок пламени и опустил её обратно в карман.

– Сашок, пей нарзан. Тебе сейчас полезно.

– Спасибо, но я не хочу.

Минц был смущён, но старался при Петренко этого не показывать. Он вытащил из вазы мокрую чайную розу и теперь вертел её в исколотых до крови пальцах.

– Было бы предложено!

Андрей наполнил свой бокал. Петренко вздохнул.

– Вы же знаете, как у нас бояться оскандалиться перед фирмачами. Его родителям в Милан сообщили, указав причину. Те категорически заявляют, что Марио-Паоло заболеваниями сердца не страдал.

– Сразу же лепят «мокруху»?

Озирский отодвинул бокал из-под нарзана и откинулся на спинку кресла. Всеволод тоже пропустил рюмку коньяка.

– Кто этот Марио? Очередной неудачливый коммерсант? Впервые о таком слышу.

Грачёв открыл свой толстый блокнот, с которым никогда не расставался.

– Я, признаться, тоже раньше не встречал эту фамилию.

Петренко понимал, что хотя бы сегодня не должен отвлекать Андрея. Пусть раз в году, но его лучший сотрудник имеет право расслабиться.

– Санторио прибыл для оформления документов на покупку одного из цехов завода, – Геннадий назвал предприятие, хозяином которого долгие годы был военно-промышленный комплекс. – В рамках конверсии он хотел наладить там производство микроскопов, луп и прочих оптических приборов.

– Так мало ли что случилось! Перепил, например. Или интердевочка попалась горячая, и вогнала в гроб.

Минц вытянул вперёд ноги, давая понять, что Петренко ведёт себя неподобающе. Фирмач, уже два дня как мёртвый, мог бы подождать и до понедельника.

– А у Александра Львовича на всё один ответ – водка, девка и колбаса. Больше никаких причин для смерти быть не может. – Петренко расстегнул пиджак, потом протёр запотевшие очки.

– Бывает и такое, тоже верно, – заступился Андрей.

– Бывает. Но в Москве, в отеле «Савой» год назад при таких же обстоятельствах скончался коммерсант из Сеула, господин Ким Ён Юн. Может, тоже проститутка рога сбила. А, может, и нет...

– И он сердечником не был? – уточнил Грачёв.

– Не был. Семья это подтверждает. Медицинские документы говорят о том же самом. Показания давались под присягой. В обоих случаях просматривается криминал.

– Между собой они не были знакомы? – Минц курил, рассматривая свои розовые миндалевидные ногти.

– Пока таких сведений у меня нет. – Петренко поднялся и застегнул пиджак. – Спасибо, Андрей, за угощение. К тебе, собственно, всё это не имеет отношения. Я хочу сказать, что мне с понедельника потребуется помощь Интерсектора. Надо будет рассылать запросы относительно Санторио. Ну, а если придёт охота, можете помозговать над этим делом... Мне пора. – Геннадий пошёл к двери. – Ещё раз поздравляю, именинник!

– Я тебя провожу, Иваныч.

Озирский глянул в зеркало, привёл себя в порядок. Когда оба вышли на лестницу, хозяин с громким, но мелодичным звоном захлопнул дверь.

– Принесло же его! – посетовал Минц, прислушиваясь к удаляющимся шагам. – А тут ещё и дверь кто-то оставил открытой!

Грачёв подкинул на ладони пачку «Винстона»:

– Как говорит моя мать: «Гнат не виноват, и Арина неповинна. Виновата хата, что впустила ночью Гната!»...

Минц опять прижался лбом к бронзовым обоям и заскрипел зубами. Сначала пунцовыми стали его уши, затем краска перешла на лоб и щёки, на подбородок. Из ванной послышались сдавленные рыдания, и Саша побежал туда. На бортике сидела Клавдия и заливалась слезами. Увидев это, Минц позабыл о собственных страданиях, и принялся утешать подругу. Холодная вода текла по заплаканному, но всё равно прекрасному лицу Ундины, мешаясь с тушью, тенями и помадой.

– Саш, стыдно-то как! – Она не смогла договорить.

Минц уселся рядом и прижал Клаву к себе, не преминув приласкать её грудь. Сам он отворачивался от девушки, чтобы скрыть собственный жгучий стыд. Действительно, не мешало бы потерпеть до вечера, но любовное томление оказалось непобедимым. Клава отнесла на кухню грязную посуду и как раз возвращалась в столовую, когда Саша напал на неё из-за вешалки.

– Я домой пойду, сейчас же! – лепетала длинноволосая красавица. – Что же мы наделали, при начальстве-то? Зачем трусы стянул? Мне теперь... теперь... хоть в петлю! – Клава икала и скулила.

Тем временем шум в комнате немного стих. Отец Андрея Герман Рудольфович привёз из Москвы несколько кассет со своими фильмами. Сейчас одну из них и поставили в «видак», устав дожидаться виновника торжества.

Грачёв пожалел, что не отправился вместе с Озирским и Петренко. Женские слёзы его всегда только злили, особенно если баба была пьяной. Лилия знала об этом и старалась при муже не распускаться. К тому же, Всеволод не верил, что такой потаскухе может быть стыдно, застань её за этим делом хоть сам генерал.

Уверенный, что Минц с Масленниковой, едва он уйдёт к гостям, тут же запрутся и лягут прямо в ванну доканчивать начатое, Грачёв оставил их. Он решил пока побыть на кухне, но и там, как оказалось, тоже ворковала парочка. Всеволод остановился и прислушался, пытаюсь сообразить, чего ждать от этих гостей.

Рита Апостолова мыла посуду. Юрка Даль, племянник Минца, перекинув через плечо полотенце, вытирал тарелки и бокалы своими неловкими с виду руками. Даль, как и Петренко, был левшой, и оттого казался неумехой. Но, тем не менее, он сумел найти подход к сироте, и Рита уже смеялась. Горы грязных и чистых тарелок высились на столе, как Пизанские башни. Под сильной струёй воды позвякивали вилки и ножи.

– Да не может быть, что ты в меня сразу влюбился! Чушь всё это. Мужики женщин вообще не любят. Им только переспать надо, чтобы хвастаться потом. Они в такое играют, понимаешь? У кого больше фишек наберётся...

– Может, кто-то играет, но не я, – серьёзно заявил Даль. – Мне бы на Нельку, подружку, сил наскрести, и то ладно. Она пилит всё время за фригидность...

– За что? – не поняла наивная девочка.

– За холодность, – объяснил Юрка.

– Значит, у тебя любовница есть? Тогда зачем ты мне тут очки втираешь? Успокаиваешь, что ли? Меня все успокаивают, но только от этого ещё больше реветь хочется.

– Ритка, ты только одно знай... Я, конечно, ненадолго на Нельке женюсь, чтобы её семья успокоилась. Но жить с ней, думаю, не смогу. Она моей половинкой никогда не станет.

– А я? – удивилась Рита.

– Ты уже стала. Мы оба – Близнецы, нашедшие друг друга. Так что жди меня, а тем временем тебе исполнится восемнадцать. Я хоть с виду и шепутной, но слово держать умею.

Юрка свёл глаза на переносице, как Жан-Поль Бельмондо в фильме «Чудовище».

– Ты женишься, держа в уме развод? – Рита мыла одну тарелку уже десять минут. – А если дети у вас родятся?

– Детей к себе заберём. Из Нельки нормальной матери не получится. Будет ещё хуже, чем моя Сонька.

– Какая Сонька? – Рита наконец-то взяла другую тарелку, а первую передала Юрию.

– Я свою мать так называю – по имени.

– Как у тебя всё просто! – вздохнула Рита. Ей хотелось одновременно и смеяться, и плакать. – А про маму плохо не говори. Знаешь, как страшно её потерять? Я теперь каждую свою грубость так отчётливо вспоминаю и каюсь...

– Мать матери рознь, – заявил Юрий и нахмурился. – У тебя – одни чувства. А у меня, может, совсем другие. Да и к чему усложнять? Это вон у дяди Саши всё больно закручено. Ищет прекрасную даму методом пробы на вырез.

Грачёв понял, что негоже подслушивать чужие разговоры, пусть даже самые невинные, и решил вернуться в переднюю. Интересно, можно ли искусственно вызвать инфаркт, если у человека здоровое сердце? Пока таких случаев в его практике не бывало, но это ещё не аргумент.

Из комнаты доносилась тягучая, вязкая мелодия. Она текла в прихожую широким ручьём, и вызывала в душе неясное волнение. Заглянув в дверь, Грачёв увидел, что восточная музыка сопровождает эротическую сцену. Гости смотрели, разинув рты, и только одна Лёлька скучала. Немного подумав, она убежала на кухню, задержалась в углу, у шкафа. Теперь девочка бодро топала впереди Грачёва, что-то сжимая в кулачке.

– А чего у меня есть! – похвасталась Лёлька, но пальчики не разжала.

Грачёв улыбнулся:

– И что у тебя есть? Покажи-ка!

– Во-о!

Лёлька, мотая розовым капроновым бантом, вбежала в полумрак комнаты. Андрея всё не было – видимо, увлёкся разговорами с Петренко и забыл о гостях. Грачёв уже собрался идти их искать.

Вдруг Лёлька, бросив что-то на пиршественный стол, басом приказала:

– Бежи!

Огромный тараканище, шевеля усами, устремился по белоснежной скатерти прямо на Лилю Грачёву. Та завизжала и вспрыгнула на стул. Клавдия соскочила с колен Минца и забралась на плюшевый диван. Алла Турчина отпрянула в угол, махая руками. Прочие дамы истошно заорали, и никто из них не решался прихлопнуть насекомое.

Мужики громоподобно заржали, и Герман выключил «видак». Стриптизёрша из его фильма уже разделась окончательно, и теперь плавно двигалась прямо на зрителей. Голова её пропала за кадром, зато интересные для мужчин места приближались, увеличивались и кипятили кровь.

– Ты что, зараза такая, отца родного срамишь?

Стремительно вошедший Андрея схватил Лёльку под мышку. Она задргала ножками, а кулачками принялась колошматить папаню пониже спины.

– Все наши пороки на всей Божий вытащила... Всеволод, я тебе потом расскажу – интересное дельце наклёвывается.

Тем временем Грачёв раздавил таракана и сказал:

– Между прочим, это не самец, а самка. Что-то вроде пчелиной матки. Так что спасибо Лёльке, а то вывела бы ещё немеряно потомства...

– Не надо за столом-то! – взмолилась Надя Маяцкая, постепенно приходя в себя и выбираясь из-за аквариума с золотыми рыбками.

– Чего залаза? Плоси площения! – потребовала Лёлька, ныряя под стол.

– Андрей, ты невежливо поступаешь!

Герман Рудольфович вынул из «видака» кассету, сунул её в футляр и отбросил подальше, за пальму в кадке.

– Ты оставляешь гостей одних и уходишь гулять по Фонтанке. А мне остаётся только демонстрировать им свои коммерческие поделки. Теперь про меня невесть что подумают. Я бы с удовольствием ставил серьёзное кино, психологическое, поучительное... Нет, господа, народу это не нужно!

Герман застегнул чёрный пиджак с муаровыми лацканами. Несмотря на возраст, он выглядел молодо и был ещё очень красив. Сейчас Герман налил себе рюмку водки, выпил и достал капитанскую трубку.

– Интеллект зрителей целенаправленно убивается. Я должен либо сдохнуть с голоду, либо лепить вот это! Выходит, я окончил Школу-студию МХАТ для того, чтобы снимать голые задницы. Таков итог всей моей жизни...

Дёрнув щекой, Озирский взял с дивана гитару, перевязанную бантом цветов имперского флага, тронул струны. Ему хотелось отмыть комнату от чего-то противного и липкого, которое словно вытекло из «видака», из отцовской кассеты.

– Тушите люстру, зажигайте свечи! – скомандовал Андрей, исподлобья глядя на собравшихся.

Чёлка его рассыпалась на пряди, а прозрачные зелёные глаза налились слезами. Все кинулись за подсвечниками, которых в квартире было много. Озирский коллекционировал их, как и оружие.

Ещё колебалась зыбкая грань между чёрными и белыми ночами. Прямоугольники окон стали светлыми, а комната погрузилась во мрак. По ней рассыпались огненные точки, делая квартиру похожей на церковь. Воцарилась тягостная тишина, не свойственная дням рождения.

На столе тихо звенели хрустальные рюмки. Рита Апостолова, не дыша, наливала в них водку. Когда она опустилась на свой стул, Озирский поднял руку. Стало ещё тише, и по набережной перестали ездить машины. Смолк даже свист стрижей, и куда-то подевались надоедливые мухи.

– Сейчас я поговорил по душам со своим начальником и другом, подполковником Петренко, – начал Андрей, прижимая ладонью гитарные струны. – Он меня в лоб спросил: «Почему ты устраиваешь пиры, если до 22 июня 1993 года ты не имеешь права делать это?»

Рита приоткрыла рот, словно хотела согласиться – да, почему?

– Я знаю, что многие из вас хотели бы задать мне этот вопрос; в том числе и родной отец. Не дожидаясь его, отвечу. Мария Озирская не любила пустых условностей. Она считала, что скорбь выражается вовсе не в том, что родственники носят траур и не справляют дни рождения. Я лучше всех знаю, что она любила на самом деле. Даже на похоронах, как вы помните, играли не марш Шопена, а полонез Огинского. К тому же, среди нас, должно быть, нет вульгарных материалистов. Маня не умерла – она продолжает жить, только в ином, невидимом теле. Я чувствую, что сейчас она находится с нами за столом. Её не вернёшь в зримое состояние ни показной скорбью, ни самыми искренними слезами. А ТАМ ей сейчас легко, потому что за неё отомстили. Мы не имели бы права на торжество, если бы убийцы не получили по заслугам. Кроме святой и страшной мести мы, живущие, ничего не можем сделать для Марии Озирской и Анастасии Апостоловой. Знаете вы об этом или нет, но каждый свой день рождения работники органов внутренних дел отмечают как последний. Мало нам выпадает праздников, тем более таких – тёплых, домашних, особенно милых сердцу. И потому мы не можем позволить себе игнорировать их, что бы с нами ни происходило. Обычай ходить целый год в трауре выдуман людьми, живущими совершенно другой жизнью. Они могут позволить себе потерять год-другой. Эти годы похожи, как близнецы. Дом, работа, санаторий, телевизор, рыбалка, огород... А потом – всё то же самое. А мы не можем, потому что следующего праздника, вполне вероятно, не будет. И поэтому пусть простят нас ушедшие за мир горой, пусть будут снисходительны к нашим слабостям. Но поймите, кто ещё не понял – у нас в таком случае постоянно должен быть траур. Только истекает один срок, снова погибает друг или член семьи. И что? Все годы существовать без застолий, без света, без радости? Нет, так было бы несправедливо. Нам ни к чему демонстрировать показную печаль. Она и так постоянно стучит, как пепел Клааса, в наши сердца. Ушедшие видят это. Они вовсе не мёртвые, и знают всё... Свечи эти я захотел зажечь в память обо всем погибших. И тех, кого я сейчас назову, и тех, чьё имя не прозвучит...

Андрей поднял свою рюмку, сверкнув радужными искрами, и встал. За ним бесшумно поднялись остальные.

– Мария Озирская, Анастасия Апостолова, Наталья Озирская, Елена Озирская, Михаил Грачёв, Михаил Ружецкий, Дмитрий Маркелов, Василий Павлюкевич, Алим Гюлиханов, Власта Сорец, Марина и Сергей Пчельниковы, Ливия Скидан...

Андрей продолжал называть имена, и кто-то из стоящих обязательно вздрагивал, и водка в его рюмке плескала через край. Флориан Стенкулеску едва не раздавил свою рюмку в кулаке, когда прозвучало имя Ливии. От сквозняка вытягивались, трепеща, языки свечного огня. Они вдруг ожили, словно названные Андреем люди пришли сюда и встали рядом, благодарные за боль и память.

Когда собравшиеся проглотили водку и сели на свои места, смахивая слёзы, Андрей вновь тронул струны.

– Вы, кажется, просили песню польского Сопротивления? Отлично. Пою для вас и для НИХ...

Он встретился взглядом с Грачёвым и понял, что тот тоже думает о новом деле. Видимо, предполагает, что будет жарко.

Флориан опустил голову – он не мог забыть слепого нищего на Сытном рынке, которого два мальчика водили под руки. Они с Лейлой Харбедия сегодня заехали туда – нужно было купить Андрею букет. Старик, сидя на раскладном брезентовом стульчике, гадал по старинной книге, закапанной свечным воском.

Он поднимал незрячие глаза к небу, смотрел прямо на солнце и погружался во что-то такое, недоступное другим. Пальцами он водил по строкам, и стоящий перед ним человек, затаив дыхание, слушал пророчества. Судя по тому, как были удивлены, даже испуганы люди, Флориан понял – старик ни в чём не ошибался. Он видел чужие судьбы, будто на экране, и просто комментировал происходящее там.

Лейла пропустила мужа вперёд, и они оба слушали речь вещуна, обращённую к молодому человеку, стоящему напротив старика, который чем-то напоминал кудесника из «Песни о вещем Олеге». Когда перед ним оказался Флориан, старик снова раскрыл книгу, пощупал толстыми пальцами строки. Лицо его помрачнело, и он грустно покачал головой.

– А тебе, мил человек, и сказать-то нечего. Жить тебе осталось лишь две недели!

Лейла пронзительно вскрикнула, схватила Флориана за руку и потащила вон с рынка. Она забыла о том, что заплатила за двоих, и два часа пришлось ждать своей очереди на солнцепёке. И сейчас молодожёны с ужасом смотрели друг на друга. Андрей не знал о происшествии на Сытном рынке, иначе не стал бы зажигать свечи и призывать мертвых. Но Лейле и Флориану от этого было не легче.

Потом они ехали по Невскому в переполненном троллейбусе. Лейла, даже не пытаясь сдерживаться, притворяться, что ничего особенно не произошло, пыталась найти какой-то выход.

– Уедем! Непременно уедем к маме в Сухуми – там тебя не найдут. Хорошо, что мы узнали... Наверное, твои враги из Молдавии захотят отомстить. Они, конечно, узнали, где ты живёшь, но про Сухуми никому ещё не известно. Я завтра же возьму билеты, и мы летим. У меня как раз начинается отпуск. Маме скажем, что приехали в свадебное путешествие. Соглашайся, тебе уже ничего не остаётся. Неужели ты сомневаешься, что действительно может случиться страшное?

Флориан старался не мять молочно-белые и ярко-бордовые гладиолусы, купленные на том же Сытном рынке. Чёрные, глянцевые волосы Лейлы, забранные на затылке в тугой узел, мазнули его по щеке. Он ли не верил?! Ему ли не предрекала каждый шаг покойная Ливия? Да, конечно, она не решилась сказать Флориану то, ужасное. А этот старик смог, потому что был лицом посторонним. Он узнал будущее и передал всё клиенту, которого даже не видел...

– Конечно, летим.

Стенкулеску отвернулся к стеклу и стал смотреть на Невский проспект, прощаясь.

Ливия говорила, что от судьбы не уйдёшь. Даже если в Питере его не найдут молдавские боевики, то и в Сухуми что-нибудь случится. Лейла верит в спасение – пусть верит. После плача её синие глаза становятся такими глубокими и прозрачными. Она много страдала в жизни, так пусть хоть эти две недели проживёт счастливо. Она так трогательно надеется на милосердие жестокой судьбы!..

И сейчас, в трепете свечного пламени, ещё светлым питерским вечером, под звенящие, отрывистые аккорды гитары, Андрей по-польски пел суровую, даже страшную песню. Про то, как ни мать, ни жена не ждут у окна партизан, которые цепочкой бредут пор лесной тропе. Им уже не накроют стол, потому что их дома сожжены, а семьи частью загублены, частью разбросаны по свету. Лишь ветер воет в развалинах, но он не равнодушный и не злой. Он – родной, как и всё в этой стране. Он летит, осушая слёзы, считая раны и кресты, чтобы партизаны могли отомстить палачам за кровь и позор...

Почти все гости плакали, особенно женщины. Никто не стыдился своих слёз. И представлялась им уже не далёкая давняя Польша. А своя родная страна – разорванная, опутанная

ключей проволокой, заставленная нелепыми пограничными столбами, горящая по окраинам гражданской войны. И стелется горький дым над дорогами, перепаханными гусеницами танков, ползёт, разрываясь на клочья. А ветер летит и летит...

* * *

Струны так и пели, но уже только в памяти Озирского. Он сидел за кухонным столом и, не переставая, курил. Белая влажная рубашка натянулась на спине; галстук Андрей сбросил, а рукава закатал. Кругом так и стояли отмытые до скрипа тарелки, сверкали бокалы и рюмки. Свет стосвечовки под лазурным абажуром отражался в лезвиях ножей и в зубцах вилок.

Андрею уже реально стукнуло тридцать пять лет – он родился в девять часов вечера. Взглянув на ходики, он поднялся с табуретки и вытащил из-за мойки пустую бутылку из-под спирта «Ройял». Этим «королевским» средством для мытья окон немецкие фирмачи завалили весь Питер, а русские мужики немедленно принялись им травиться. Оказывается, бутылку украла Лёлька – к счастью, в ней уже не было спирта. Теперь старшая сестра Клавдия укладывает бандитку спать в детской.

Те гости, которым не нужно было проезжать мосты, откланялись. Маяцкие, Калинины, ещё три четы, а также Клавка и Саша Минц остались ночевать на Фонтанке. Герман Рудольфович, нашаривая в кармане трубку, тоже расстёгнутый и помятый, стоял в коридоре, опираясь спиной на стену. Его уже не держали ноги, и он просто слушал, как одна внучка укачивает другую деревенской колыбельной про Лешего и Кикимору. Лёлька всё не засыпала, и Саша Минц уже устал ходить по коридору в ожидании того момента, когда Клава освободится. Он посадил себе на руки Женьку Озирского и завёл с ним разговор о достоинствах отечественной научной фантастики.

Герман Рудольфович – высокий, стройный, загорелый, со светлой плойкой волос и большими глазами цвета грозового неба, нетвёрдым шагом вошёл в кухню и сел рядом с сыном, набивая трубку капитанским табаком. Андрей между делом отметил, что у отца очень красивый и чувственный рот, волнистый, благородный нос, высокий лоб, изрезанный элегантными морщинами.

Вот только красные прожилки, какие обычно бывают у пьяниц, испортили кожу на лице. Свой японский шейный платок, а также серебряные запонки с аметистами Герман где-то посеял, и уже забыл о них. На его артистических руках блестели два кольца – обручальное и массивный перстень-печатка, тоже чёрного серебра.

Герман вздохнул, запустил пальцы в свои густые, с проседью, волосы и с интересом оглядел чужого ему мужчину. Издали они выглядели скорее братьями, чем отцом и сыном. Странно было, что один из них, краснея и потея, получал другого на пороге роддома. Жарким летом пятьдесят седьмого года младенца завернули в голубое пикейное одеяльце и перевязали атласной синей лентой.

Этот свёрток с двумя бантами, похожий на коробку конфет, и забрал из Снегирёвки красавец-студент Гера Фрейденберг. Но смотрел он не на сына, а на бледную, сильно похудевшую жену Манечку. И думал – неужели эта девочка родила? Да ещё от него? Невероятно. Это какой-то розыгрыш...

На цыпочках из детской выбралась Клавдия, которая уже позабыла о недавнем конфузе. Пьяная и шальная, и от того ещё более жаждущая ласки, она немедленно упала в объятия несостоявшегося супруга. Женька к тому времени уже ушёл спать. Андрей же насвистывал, думая о своём, и не замечал отца. Внизу, в колодце двора, кто-то заводил старый облезлый «Москвичонок».

– Значит, отпустишь Женьку со мной? – вполголоса спросил Герман, чиркая спичкой о коробок и покачивая во рту длинной блестящей трубкой.

– С дорогой душой! Лёльку бы ещё кто-нибудь взял...

Андрей выдохнул дым «Мальборо» на тёмное оконное стекло.

– В Москву ей пока рано. Ничего не поймёт.

Герман ещё не спрашивал сына, собирается ли тот в третий раз жениться. Конечно, мужику с маленькими детьми не управиться. А работёнка у него – хоть стой, хоть падай. Она берёт всё время и силы, и в любой момент может потребовать жизнь. Две жены Андрея уже в лучшем мире, и Маня...

Герман, когда жил с ней, даже не представлял, как полюбит её потом. Но и тогда молодой человек не понял, за что супруга его так возненавидела. А ведь у сына её глаза, и оттого сердце снова падает в коленки. Хоть бы слово сказала, упрекнула в чём-то – нет! Сразу подала на развод. Хотела, чтобы он сам всё понял. А вот не получилось понять – до сих пор...

– Я всё понимаю, батя, – смиренно сказал Андрей. – Просто так мечтаю.

– А Клавдия не может пока за ней присмотреть?

– Хм... Клавдия! Я ведь даже не знаю, сколько крестов у неё по реакции Вассермана. Ты уж извини за натурализм, но из песни слова не выкинешь. Приезжаю к ней домой, на проспект Тореза, и вижу на двери надпись – «Сифилиса прекрасная». Вот сейчас она Лёльку качала, а у меня на душе кошки скребут. Намекнул ей только, чтобы ребёнка не целовала. Кажется, поняла...

Герман выпустил из трубки колечки дыма. Потом достал трубку изо рта и взял её на отлёт.

– Андрейка, у тебя «беленькой» не осталось?

– При матери ты так не спился бы, приятель – Озирский вынул из холодильника непочатую бутылку «Сибирской». – Пей, мне не жалко. Только чертей потом не лови – при внуках...

– А ты? – Герман Рудольфович ловко сорвал нащёлку.

– Нет, уволь, мне на службу.

– Тогда за тебя и за детей! Будьте здоровы!

Герман опрокинул в рот рюмку, не закусил, и стал сосать погасшую было трубку.

– Сам-то в Москву не собираешься? Сестры племянники у тебя там – не забывай. Очень хотят с тобой познакомиться, между прочим. Эдгар, старший мой внук, помешался на детективах. Только их и читает. Боюсь, что дураком вырастет.

– Недели через две, наверное, поеду. – Озирский вздохнул щёлкнул пальцем по спичечному коробку. – Моя подруга туда приедет, из Версаля.

– Откуда? – переспросил отец, тут же протрезвев. – У тебя и в Версале есть подруги?

– А как же! Я такой. – В глазах Андрея снова засветились зелёные огоньки. – У меня подруги по всему свету, ибо я – человек компанейский.

– Кто она?

Герман даже забыл про трубку. Он трясущимися руками наливал себе водки, понимая, что в столице, при жене, столько не выпьешь.

– Журналистка, аккредитована в Москве. Она уезжала домой, в отпуск, а теперь возвращается. Ты в высшем свете вращаешься, так, может, слышал такое имя – Франсуаза-Иветта-Одиль де Боньер.

– Она дворянка? Нет, сынок, я не так высоко летаю, как ты думаешь. – Герман протяжно вздохнул. – Производителей порнухи, вроде меня, раком до Нью-Йорка не переставишь. Значит, твоя подруга голубых кровей?

– Да, это обедневший графский род. Ну, как обедневший? У нас так руководители страны мечтают жить. В собственности их семьи находится небольшой остров в Средиземном море, а на нём – замок. Разумеется, есть яхта, несколько автомобилей, дом в Версале. Но по сравнению с тем, что было, всё-таки маловато.

Под потолком кухни прошуршали крыльями две летучие мыши. Андрей недавно принёс их в дом, чтобы посмотреть, как они будут существовать в квартире. Но к этому моменту

он твёрдо решил отправить мышей на чердак, где им самое место. Здесь же мыши полюбили кладовку, где тихонько висели весь день вниз головами. Ночью же они начинали летать по коридору и кухне, подобно призракам из фильмов ужасов. Особенно страшны были их зубы и уши. Раздражал и почти непрерывный писк жутких тварей, от которого часто было не уснуть.

Герман Рудольфович, заметив их, решил не срамиться перед сыном. Он уже давно ловил ос, тараканов и чёртиков, поэтому ничуть не удивился, заметив нетопырей. Режиссёр между делом сообщил, что несколько раз сидел на Канатчиковой даче. Он не стеснялся взрослого сына и считал, что дети должны знать о своих родителях горькую правду. Но летучие мыши всё же повергли несчастного в смятение.

– Да...

Герман налил себе ещё одну рюмку. Из его трясущихся пальцев выпала трубка. Слёзы оставляли мокрые дорожки на загорелых щеках. Длинные ресницы мелко дрожали, будто его колотил озноб.

– Когда ты успел с ней... с графиней... того... познакомиться?

– Батя, кончай пить! – не выдержал Андрей. – Мне, конечно, водки не жалко, но ты теряешь человеческий облик. У тебя ещё осталась красота, но скоро её не будет. – Он отставил бутылку подальше. – Мы познакомились первого июля, то есть месяц назад. Как раз в тот день, когда мы впервые увиделись и с тобой. Перед тем, как встретить тебя в аэропорту, я давал ей интервью. Она интересовалась деятельностью шайки, которая промышляла продажей квартир. Помнишь, как ты вместе с Ритой Апостоловой, Женькой и Лёлькой ездили в Петергоф?

– Помню, – кивнул Герман.

Он очень хотел ещё выпить, но бутылку уже отняли.

– Так вот, а мы с Франсуазой отправились в ресторан гостиницы «Астория»...

Озирский встал из-за стола и прижался лбом к стеклу. Какая-то машина через подворотню выехала на набережную. В окне напротив ревела и вовсе нечеловеческая музыка. Андрей радовался, что окна детской выходят на Фонтанку. Сейчас там было куда тише, чем во дворе.

Поняв паузу, как надо, Герман понимающе усмехнулся.

– У вас вот так всё сразу и вышло?

– А чего тянуть? – Озирский сел на табуретку верхом. – Мы уже понимали, что оба этого хотим. Фрэнс встретила со мной не только по служебной необходимости. Она очень хотела меня утешить, потому что знала про мать. А потом сказала, что полюбила с первого взгляда – будто стрела Амура попала в сердце. Какая-то сила тянула её ко мне, да и меня к ней тоже...

Андрей, похоже, кого-то ждал, и с каждой минутой всё больше тяготился присутствием отца.

– Да уж, чья бы корова мычала! Не мне задавать такие вопросы. – Пухлые, словно отполированные губы Германа дрожали, складывались в трогательную «дудочку».

– Ну, вот кто я, сынок? Кто? Ты – герой, имеешь ранения и награды; целиком пошёл в Озирских. О тебе в обеих столицах легенды ходят. Я даже не знаю, верить или нет, настолько всё ирреально выглядит. Ты видел и смерть, и любовь. А я? На двадцать три года тебя старше, а насколько меньше имею опыта! Болтался, как дерьмо в проруби. Сначала был любимчиком в семье, с меня пылинки сдували. В школу на машине возили, нанимали воспитателей и репетиторов. Во дворе я не гулял, в магазин не ходил, даже в трамвае не ездил. Закончил два творческих ВУЗа, но ничего не добился. Был на побегушках у маститых режиссёров, мечтал о самостоятельности и возможности реализоваться. И вот сейчас, когда уже пенсия видна, что имею? Рекламные ролики шлёпаю да откровенную порнуху, от которой самого по ночам мутит. Изольда, жена, смотрит на меня зверем, и правильно делает. Две дочери у нас с ней, внуки. Жить надо, а как? Ведь нужно выглядеть респектабельно, иметь машину, хотя бы «Опель». А где брать средства на всё это? Староват я уже брыкаться и ждать лучших времён.

Андрюшка, ты меня можешь презирать, твоё право... Не могу я иначе! Подонком становлюсь, хрюкаю, как свинья. Но вымя и ляжки снимаю! Это нужно народу. А ведь, представь себе, я был романтиком! Так любил – до боли в сердце... Маня недотрогой была всё время, несколько раз пощёчины мне давала, когда руки распускал. Говорила, что отдастся только после свадьбы, как честная католичка. При Советской власти – и такие слова! А она ничего не боялась. Я уже и не надеялся ни на что. Пригласили нас в компании, на Бармалееву улицу. Студенты гуляли по случаю Седьмого ноября, после демонстрации. Собрали стол в складчину, закупили «Араплы» и «Столичной». Девчонки винегрет сделали, салаты, бутерброды. Не знаю уж, что Маню толкнуло в мои объятия. Как-то так получилось, что все разбились на пары и уединились для интима. На этом фоне как-то неуместно было блюсти невинность. Это было уже не модно – сталинские времена прошли. Выпила она, конечно, раскомплексовалась. И, вроде, даже первая шаг мне навстречу сделала... Как бы подарила себя. Я глазам своим не поверил, когда она стала платье расстёгивать... Сказала мне: «Всё равно когда-то придётся, так лучше пусть с тобой...»

Герман завёл глаза под мокрый лоб. Его соболиные брови удивлённо приподнялись над глазами.

– Это было в квартире у Тольки Коняхина. Они две комнаты занимали, но родители как раз уехали в гости, с ночёвкой. Мы за ширмой спрятались, долго целовались, а потом... Я проснулся уже под утро. Ещё было темно – Питер же, ноябрь, сам понимаешь. Маня спала на диване – такая красивая, что я оцепенел. И вдруг вижу – над ней будто кто-то порхает... – Герман сделал рукой движение в воздухе. – Такой прозрачный, лёгкий, светлый. Короче, нечто неземное, божественное. Я лежу и вздохнуть боюсь. От счастья чуть не умер, честное слово. Ведь Маня Озирская, генеральская дочь, одна из первых красавиц в городе, отдалась мне! А потом она сказала, что будто голос свыше был. Захотелось родить такого сына, какого ещё не было на земле...

– Батя, да ну тебя, в самом деле! – рассмеялся Озирский. – Перебрал ты, вот и пригрезилось. Кто мог над вами порхать, да ещё седьмого ноября? Что вам всем одно и то же в голову приходит? – Он вспомнил Сашу Минца. – Только потому, что она – Мария?

– И поэтому тоже, – согласился Герман. – Нет, я тогда ещё алкоголиком не был. Ничего мне не показалось. Потом светлый дух исчез, и стало темно. Ты ведь совсем на меня не похож. У тебя лицо Мани. И, представь, у неё ведь ни до меня, ни после никого не было! Разве обычная женщина на такое способна? Вот и соображай...

Переливчато запел звонок у входной двери. Андрей вскочил, полыхнув радостной улыбкой.

– Батя, иди, отдохни немного. Хватит нести околесицу – потом самому стыдно станет. А у меня дела, понимаешь...

– А что? Почему ты меня гонишь? Надоед тебе старик? Не уважаешь... Конечно, за что меня уважать? – Герман достал платок, вытер слёзы и чихнул. – Э-э, где моя косорыловка? – Он похлопал ладонью по столу.

– Иди, иди, потом договорим! – Озирский сунул отцу в руки недопитую бутылку «Сибирской». – И чтобы тихо сидел, ясно? Не смущай моего дорогого гостя. Когда освобожусь, позову тебя...

Закрыв за Германом дверь комнаты, Андрей пошёл к двери. Он сам заметно покачивался от выпитого и ругал себя за это. Звонок опять резанул по барабанным перепонкам – уже зло и нетерпеливо. Только бы никто не вышел до ветру или блевать, потому они с Обером должны встречаться наедине.

– Поздравляю!

Филипп шагнул в квартиру, обдав Андрея ночной сыростью и запахом дорогой туалетной воды.

Одет он был странно – в чёрную атласную косоворотку, кожаную куртку, галифе и высокие сапоги. На безымянном пальце правой руки звездой горел перстень с крупным бриллиантом. Его шикарный «БМВ» проехал под арку так тихо, что Андрей ничего не услышал. Впрочем, его отвлёк разговор с отцом.

Сейчас Обер улыбался, по своему обыкновению, несколько смущённо, одними губами. Он выглядел добродушным, милым, приветливым, совершенно безобидным. Озирский вспомнил, что руки этого симпатяги по плечи в крови, и его прошибла слеза.

– Пошли на кухню! – Андрей хлопнул позднего гостя по спине. – Не обессудь, у меня во всех комнатах на полу спят...

– Можно и на кухню. – Обер расстегнул кожанку, но снимать не стал. – Я ненадолго... – Он запустил руку в карман. – Зная наши дурацкие законы, я приготовил для тебя отличный подарок. Смотри какой, вместо всяких там самопалов...

– Классно!

Андрей увидел новенький «кольт» последней модели и едва не лишился дара речи. Блестящий от масла, в замшевой кобуре, пистолет завораживал с первого взгляда. К нему прилагалась и коробка фирменных патронов.

– Надеюсь, пригодится.

Филипп снова пошарил по глубоким карманам. Неожиданно для именинника он вытащил банковские пачки купюр разного достоинства и швырнул их на стол.

– Можешь не считать – ровно «лимон». Прими на свои нужды. В любом случае не помешают. Если себе не возьмёшь, то семьям погибших поможешь. Или агентуру оплатишь, – ухмыльнулся Обер совсем по-бандитски. – У меня сейчас один препарат лихо пошёл. Хочу грех замолить и жертвую на благотворительность.

– Филя, я даже не знаю, что и сказать-то тебе!

Андрея повело на сторону, и он схватился за край стола. Потом с трудом нащупал табуретку.

– Садись, я тебя буду угощать.

– погоди, я ещё не все подарки вручил. – Готтхильф достал из внутреннего кармана куртки небольшую коробочку. – Карманный компьютер, японский – лучше всяких записных книжек. Он уже с батарейками, и руководство на русском приложено.

– Благодарствую! – Озирский тряхнул Готтхильфа за плечи. – У меня даже все слова вылетели из головы от таких презентов. А-а, да что там! Без тебя не было бы этого юбилея. – Они обменялись понимающими взглядами. – А за «волыну» – отдельное спасибо. Вот прямо сердцем чую, что пригодится она мне, и очень скоро. Больше не буду зависеть от табельного оружия, которое к тому же отстреляно. Теперь я стал свободен – буду стрелять, если нужда заставит. Потом я тебе кинжал покажу. Сашок его из Штатов привёз. Такой скандал вышел в аэропорту, не представляешь! Конечно, пришлось в багаж сдавать, и всю дорогу за Сашком стюарды следили. Он ведь чёрненький у нас – ну вылитый исламский террорист! А я уже за тебя волноваться начал. Боялся, как бы чего не произошло...

Андрей говорил быстро, взволнованно, как мальчишка. Филипп сонно щурился на светильник, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Только успел проскочить Кировский мост, и его развели. Я ещё в «Неве» маленько посидел – положение обяывает. Всеволод здесь?

– Уехал, к сожалению. Старший сын позвонил и сказал, что труба потекла в туалете.

– У нас вечно не одно, так другое. – Филипп достал «Оскар» и угостил Андрея. – Жаль, у меня к нему тоже был разговор...

Филипп почему-то прикуривал от спички, а потом долго тряс ею в воздухе. Андрей убрал деньги в сейф, встроенный в стену кабинета. Там, на одной тахте и двух раскладушках, спали уставшие гости.

– Я не сказал, что ты придёшь, – признался Андрей. – Как-то к слову не пришлось. Ничего, ты через меня передай.

Он пригляделся к Филиппу и увидел, что тот почти спит. На белках глаз у него лопнули мелкие сосуды, да и морщин заметно прибавилось. Устаёт мужик, хоть и не признаётся в этом. Сейчас они с Севычем тренируют за городом парней, натаскивая их до уровня командос – «на всякие разные случаи».

Кто эти люди, откуда взялись – Андрей не спрашивал, полагаясь на «чуйку» и опыт Грачёва и на добрую волю Обера. Отбор в эти группы строгий, запись подпольная. Уже при поступлении нужно иметь первый разряд по соответствующим видам спорта, а ещё лучше – звание мастера.

В ряды учеников Готтхильфа влилось несколько питомцев самого Андрея из числа каратистов. Похоже, волк-одиночка всё же решил обзавестись собственными «штыками», которые не подчинялись бы больше никому – разве что Грачёву. И потому тренировки проводились за городом, в условиях строжайшей конспирации.

Круг посвящённых был предельно узок. Каждый знал не более пятерых своих одноклассников, и потому даже при неблагоприятном раскладе многих выдать не мог. Да не очень-то хотелось им идти против Обера – это была верная смерть. Андрей, когда выдавалась свободная минутка, накачивал «студентов» тем, что знал и умел сам. Разумеется, работал он даром – ради Филиппа и Всеволода, своих недавних спасителей.

Филипп задремал. Он сидел, уставившись невидящими глазами в стол, и сигарета давно погасла между пальцами.

– Филь! – Андрей тронул его кожаное гладкое плечо. Под курткой скрипнул ремень портупеи. – Я спросить у тебя хотел. Если ты, конечно, в курсе...

– Насчёт чего?

Готтхильф очнулся и смущённо заморгал рыжими ресницами. Потом сунул сигарету в рот, безуспешно попытался раздуть её; и снова чиркнул спичкой.

– Можно ли вызвать сердечный приступ у человека, не страдающего подобными заболеваниями?

– Вызвал кто-нибудь? – заинтересовался Филипп.

Он не мог долго говорить только о юбилее и подарках. Его натура требовала действия и головоломных задач. Андрей тоже буквально рвался в бой. Он дёрнул за ворот рубашки, и одна пуговица отскочила в угол.

– Петренко говорит, что в «Европейской» одного итальянца нашли мёртвым. Вскрытие показало свежий обширный инфаркт. А родители покойного почему-то не верят в естественную смерть и утверждают, будто сын на сердце никогда не жаловался.

– А есть другие доказательства, что он не болел? Родители могли и не знать. – Филипп застучал пальцами по столу – он думал.

Андрей провёл ладонью по щеке и удивился – щетина уже здорово отросла. Очень хотелось воды со льдом, но лень было вставать с табуретки.

– Подполковник сказал, что год назад в Москве был в точности такой же случай. Южный кореец умер от инфаркта, и его семья тоже уверяет, что дело нечисто.

– Грешки, что ли, за родичем знают? – Филипп подавил зевок и встряхнулся. – Чёрт, устал сегодня... То есть уже вчера.

– Я практически ничего не знаю, – разочарованно сказал Андрей. – Похоже, что почерк один. Но между собой эти фирмачи вряд ли были знакомы. Марио Санторио приехал в Питер, чтобы купить цех на бывшем военном заводе. Бывал ли он в Москве, с какими целями – неизвестно. Ким Ён Юн привёз товар из серии лёгкой промышленности – майки-джинсы-косметика. Через полмесяца собирался возвращаться в Сеул. Петренко хочет справиться через Интерпол, не были ли эти двое преступниками, и не достала ли их тут собственная мафия.

Мало ли что... Сейчас в Россию кто только не приезжает, потому что компьютерную характеристику у нас не спрашивают. Душа нараспашку – пожалуйста, гости дорогие!

– Это точно, – согласился Обер.

Он вытянул вперёд длинные ноги, и его лакированные сапоги заблестели.

– Так, сразу, сказать трудно. Надо знать состояние здоровья и психики этих господ. Не баловались ли наркотой, с кем здесь имели дело. И только по совокупности можно строить какой-то график...

– Но, в принципе, такое возможно? – нетерпеливо перебил Андрей.

Новое дело затягивало его, будто в омут. Он снял под столом английские туфли, которые слегка жали, и стал гонять их ногами туда-сюда. Летучие мыши снова мелькнули у кухонной двери и пропали в полутьме коридора.

– Да, пожалуй, можно. – Готтхильф ещё немного подумал. – Например, инъекцией сулемы.

Андрей так и замер:

– Сулемы?!

– Да. Если попадает в желудок, поражает почки. Через кровь цепляет сердце.

Озирский снова схватился за сигареты: даже сломал одну и просыпал табак. Во дворе стало тихо, и ночное тягучее безмолвие повисло над городом. Уже давно наступило второе августа, воскресенье. Надо бы накормить гостя, поднести ему чарку. А Андрей, как идиот, опять завёл свою шарманку – как можно убить, а как нельзя. Похоже, с возрастом даже Блад становится «синим чулком» – тут уж ничего не попишешь. Неужели он больше ни о чём не может поговорить со своим другом и спасителем?

– Значит, и у того, и у другого должны быть следы от уколов?

Нет, так не годится. Надо хотя бы на выходные выбрасывать эту муть из головы. Вот Сашок молодец, умеет растворяться в женщине; и ничего ему в этот момент не надо.

– Обязательно должны. – Готтхильф раздавил окурочек в хрустальной пепельнице. – Вот на это, в первую очередь, и надо обратить внимание. По крайней мере, у итальянца. Корейца-то нужно было осматривать год назад – сейчас уже поздно. Хотя, если тело не кремировали, можно провести эксгумацию. Исследование покажет наличие в тканях тела хлорида двухвалентной ртути, то есть сулемы. Мне кажется, что это – наиболее правдоподобное предположение.

– Филя, ты – гений! – Андрей изо всех сил ударил гостя по спине. – Это супер-идея! Мы только на одну эту догадку угробили бы месяц, а то больше...

– Я, конечно, не юрист, – заметил Готтхильф. – Но вижу, что здесь слишком уж много общего.

– Это называется серия, – констатировал Андрей. – Дальше поработаем мы сами. Надо бы и прокуратуру поставить в известность. Нужен был вектор расследования, и ты его дал. Но именно про этих господ, в частности, про Санторио ничего не знаешь?

– Я – ничего. – Филипп погрел спичками в коробке.

Озирский принялся убирать со стола тарелки, составляя их стопками в навесной шкаф. Оставшиеся после посуды лужицы он рассеянно вытер тряпкой. Летучие мыши бесшумно носились по коридору, и Андрей запоздало удивился. Странно, что батя их не заметил. Он ведь нервный, должен был испугаться.

Андрей вспомнил его мокрые, пьяные глаза, дрожащие руки, заискивающую улыбку – особенно когда просил водки. Вот и докатился сынок преуспевающего адвоката Фрейденберга до точки. Действительно, к чему тогда все труды и надежды?...

– Они надеются, что насчёт сулемы никому и в голову не придёт, – вслух подумал Андрей, торопливо полируя полотенцем ножи и вилки.

Филипп сначала смотрел в окно, потом резко отвернулся. Напротив, через двор, целовалась у подоконника пьяная парочка – вроде Сашки с Клавкой.

– Разумеется, – кивнул Обер. – Думаю, что и анализ делать не станут. А что, теперь модно дома летучих мышей держать?

– Да, есть такое поветрие. Говорят, что насекомыми питаются, – объяснил Озирский. – Надо отцу моему сказать, что мышки-то настоящие. Вот смеху будет!

– Между прочим, разумно, если воображения нет. А уж больно они страшные. – Филипп только сейчас окончательно проснулся, и его пронзительные глаза блеснули в тёмных впадинах. – Слушай, Андрей, я на день рождения пришёл или на консультацию к судмедэкспертам? Угощай гостя. А то я в ресторане почти ничего и не съел...

Филипп выхватил из подмышечный кобуры свой верный «браунинг» и в шутку направил его на Андрея. Разумеется, оружие стояло на предохранителе. Хозяин шутку оценил, округлил глаза и упал на одно колено. Рубашка распахнулась на его груди, открыв косо висящий крестик.

– Уно моменто! Коньяк в комнате, сам понимаешь. Надо разведать, не нарушу ли я чьих-нибудь сладких утех.

– Минца, что ли? – усмехнулся Готтхильф, придвигая к себе запотевшую в холодильнике салатницу.

– Я быстро, подожди.

Озирский не ответил на вопрос и нырнул в темноту. Вернулся он очень быстро.

– Не думай, я для тебя «Наполеон» припас. На, держи. Я пойду, проверю, кто там в кладовке возится...

Он на цыпочках подкрался к двери, ведущей в «тёщину комнату» и увидел отца. Герман стоял среди всякой рухляди и дрожащей рукой гладил шелковистое тельце летучей мыши, морщась и утирая слёзы. Пустая бутылка из-под «Сибирской» стояла рядом с ним, на ступеньке стремянки.

* * *

То, что небо синее, Андрей заметил лишь выйдя из машины на Литейном. С раннего утра в понедельник он уехал в валютный магазин на Московском проспекте, где при передаче денег должны были брать группу рэкетигов. Операция проводилась силами Московского РУВД при участии сотрудников РУБОПа. Дело оказалось хоть и опасным, но стандартным, скучным. Озирский радовался, что всё быстро закончилось, и бандиты больше не станут терроризировать фирмачей.

Всё прошло по плану. Помеченные деньги оказались в руках вымогателей, и ровно в семь часов утра на их запястьях защёлкнулись наручники. Андрей, позёвывая, смотрел на часы и прикидывал, сумеет ли он позавтракать в какой-нибудь забегаловке перед тем, как возвращаться на Литейный. Петренко ждал его ровно в девять, чтобы поподробнее поговорить о случае с Санторио.

Конечно, на Озирском висит ещё два срочных дела. Но это – семечки, максимум на несколько дней каждое. На такой стадии их можно поручать даже стажёру, и тот справится – если не совсем дурной. А вот загадка смерти двух иностранцев, причиной которой могло стать изошрённое убийство – проблема как раз для Блада. Он за месяц успел отдохнуть от «дела Зарубина» и снова рвался в бой.

Расстегнув кожаную куртку и откинувшись на подголовник сидения, Андрей ехал в РАФе вместе с сотрудником уголовного розыска. Он курил «НВ», пуская дым в потолочный люк, и лениво думал о том, как неожиданно возвращается прошлое. Одним из задержанных рэкетиров, кстати, их главарём оказался его тёзка Андрей Селиверстов.

Это был кузен Аллы, круглой отличницы и первой красавицы их класса. Её, как свою соперницу, люто ненавидела Власта Сорец. Сам Андрей буквально разрывался между ними – он любил и ту, и другую. Веронику Марьясову он ещё в упор не видел и даже не представлял, что когда-то сойдётся с ней.

В те времена внук генерала Озирского вёл себя так, что от него стонала вся округа. По утрам и вечерам Марии Георгиевне жаловались родители пострадавших чад с Литейного, Маяковки и Лиговки. Многие в качестве доказательства приводили избитую детвору. Потом у Озирских появилась немецкая овчарка Рина, и к побитым прибавились укушенные. О рогатках, ножах, индейских луках и кастетах с нунчаками не приходилось и говорить.

На счету юного разбойника был инфаркт со смертельным исходом. Тогда Андрей, в белой простыне, нарисовав на своём лбу огромный светящийся глаз, через окно влез на кухню чужой квартиры – через открытое окно. Кухня располагалась на пятом этаже, и поэтому жильцы ничего не боялись. Глаз был нарисован фосфором, который Андрей соскоблил со стрелок часов. И в двенадцатом часу ночи, когда уже сильно стемнело, перебрался с пожарной лестницы прямо на подоконник.

Это была месть очень вредной старухе, которая постоянно жаловалась родителям на их детей. С ней нужно было громко и почтительно здороваться издалека, чтобы не нарваться на неприятности. Кого-то предки только ругали, а вот Димку Сочагина после каждой такой жалобы отец бил смертным боем. Старуха об этом прекрасно знала и провоцировала новые экзекуции. Жильцы их дома не хотели, чтобы старая сплетница перемывала им кости, и потому вымещали раздражение на своих детях.

Летом семидесятого года тринадцатилетний Андрей избавил Димку от заклятого врага. Увидев на кухне привидение, да ещё с горящим во лбу глазом, старуха рухнула на пол и больше уже не встала. Она даже не смогла крикнуть, хотя слыла очень голосистой – ужас сдавил ей горло. Конечно, мальчишка не хотел её убивать – рассчитывал только на обморок и длительное пребывание в больнице. Но, когда всё случилось, особо не опечалился. Правда, никому об этом и не рассказал – даже Димке...

Но мать Аллы Селиверстовой считала неприличным надоедать Марии Озирской доносами на её сына. Она только остановила мать Андрея на улице, когда Алла наотрез отказалась ходить в школу. Озирский действительно выражал свои симпатии весьма своеобразно – встречал девочку у дверей квартиры, не пускал домой, заставлял кукарекать, петь и плясать, а также громко ругаться матом.

И сейчас, когда «рафик» бежал от конца к началу Литейного, Озирский приоткрыл глаза. Он увидел заворот на улицу Жуковского, вход в кондитерский магазин. В тот злополучный день Алла долго выглядывала из булочной, ловя удобный момент, чтобы проскочить в подворотню. Наконец, решившись, она набрала в грудь побольше воздуха и опростелью кинулась домой.

Она вбежала во двор колодцем и замерла в ужасе. На железной, заляпанной краской бочке, болтая ногами в разбитых кедах, сидел её мучитель. Он широко улыбался и, как всегда, преграждал ей дорогу. Алла, рыдая, выскочила обратно на улицу. Её толстая светлая коса металась по клетчатому пальтишку. Подковки туфлей, казалось, высекали искры из асфальта. Ника Марьясова, которая возвращалась из магазина с кочном капусты и бутылкой водки в потёртой кошёлке, бросилась следом за Аллой.

– Дурочка, он же влюбился в тебя! – Вероника уже знала, из-за чего в их дворе кипят страсти.

Озирский, который в этот момент как раз выбежал из подворотни, дал её увесистый щелбан. Аллу проводила домой дворничиха, но это не помогло. Той же ночью девочка повесилась, оставив записку на тетрадном листке. «Я не могу больше жить. За что Озирский мучает меня?»

Аллу откачали, она лежала в больнице, а Мария Георгиевна стыдилась смотреть в глаза её матери. В красном уголке жилконторы этот вопрос обсуждался при огромном стечении народа. Взрослые кипели от негодования. А вот у детей было другое мнение. Димка Сочагин, Власта Сорец, Ника Марьясова и прочие малолетки заявили, что Алка ничего не поняла. Андрей влюблён в неё по уши. Все поля его тетрадок и обложка дневника зарисованы портретами Селиверстовой; он даже украл её фотографию со школьной Дочки почёта. Бюст её из гипса вылепил, вот как! А Алка, неженка, ради самого Озирского прокукарекать не может...

– Меня бы он нарисовал хоть разочек!

Ника всхлипнула и, взметнув в воздухе свой выющийся золотистый хвост, убежала из красного уголка, чуть не растянувшись у порога.

Власта, накручивая на палец кончик глянцево-чёрной косы, видимо, мечтала о том же самом.

– Вешать таких подонков надо! – закричала добрая половина родителей. – Мать – приличная женщина, бабушка – генерал-лейтенант! На «Волге» его, мерзавца, возят, подарками заваливают. Джинсы у него американские, куртка кожаная. С жиру взбесился, голубая кровь. Острых ощущений ему не хватает!

– И зачем он на свете живёт? Вот вырастет такой сорняк, и не выдерешь его, и не спишь...

– Колония по нему давно плачет! И посадили бы простого-то парня за сотую долю этих безобразий. Но, раз дед в Комитете, всё ему можно. Скоро нас всех перережет, причём безнаказанно! И не смотри так, Машенька! Бандита ты растишь, убийцу, рецидивиста будущего. Помяни моё слово, сама из-за него пострадаешь!..

Директриса их школы с трудом успокоила встрёпанных мам и бабушек. Потом подозвала абсолютно спокойного Андрея к застеленному кумачом столу. Тот вышел на всеобщее обозрение вихляющей походкой и заправил за ворот куртки обгрызенные концы пионерского галстука.

– Ты хоть немного раскаиваешься в своём поступке? – строго спросила директриса.

Все замерли в ожидании. Мария глубоко дышала, сдерживаясь из последних сил.

– И ни фиги не раскаиваюсь! Повесилась – значит, дура. И плохая дочь – о матери бы хоть подумала. Мальчишки всегда девчонок задирают, и никто из-за этого не вешается.

Далее разразилась такая буря, что, казалось, рухнет потолок. Озирской советовали убраться из дома подобру-поздорову. Уверяли, что её сынок-негодяй ворует газеты из ящиков; потом перешли на бельё с верёвок и кошельки из карманов. Власта тоже заплакала, стараясь перекричать взрослых.

– Этого не было! Андрей не вор! Только один раз Алкину карточку стибрил... Но вещи и деньги – никогда! Мама, ну скажи! Скажи что-нибудь! – теребила она за руку худощавую брюнетку в тёмном платье – Бэлу Сорец.

– И уже с тремя девками гуляет, – продолжали выступать соседи. – Смотри, Маша, как бы бабушкой тебя не сделал во цвете лет. Ника, Илюшкина дочка, иссохлась по нему. Эта пигалица чернявая – тоже влюбилась. Да ещё он и Аллочку приметил. Тринадцать лет всего, а туда же...

– Нет, это ужасно, ужасно! – кипятились матери, вертя головами. – С таким трудом добиешься послушания! Ведь главное, чтобы ребёнок был послушный, а такие вот хулиганы сбивают его с пути истинного. Это же змей-искуситель, а не мальчишка! Мой пообщался один раз с Озирским, и уже просится в кино на взрослый фильм и знает, откуда дети берутся...

– Разрешите мне сказать!

Бэла от волнения говорила с сильным акцентом. Она даже не стала дожидаться, пока стихнет шум.

– Вот вы считаете – послушный должен быть. А я думаю – это очень плохо, когда мальчик не подерётся, не поозорует, а под юбкой у женщины сидит... Погодите, не мешайте – вы уже всё сказали.

Бэла побелевшими пальцами впиалась в спинку стоящего впереди стула. Власта с восторгом смотрела на мать и сжимала её локоть.

– Послушный мужчина – это плохо. Вырастет большой, а как работать будет, как воевать будет, скажите мне, пожалуйста! Мария, ты не переживай – твой сын молодец. Из него потом толк выйдет.

– Ничего себе, молодец! – ахнула мать Аллы. – Бэла Хусейновна, у вас в горах могут быть другие правила поведения, но здесь... Принесёт ваша Власта от него в подоле, небось, тогда заплачете! Тогда вы ему не простите...

– А это уж, Галина, моя дочь виновата будет, а не Андрей, – возразила Бэла. – Дай доскажу, а ты потом... Мужчина – он везде мужчина – и в горах, и в Ленинграде. Так уж устроены мальчишки, что без риска да шалостей не могут. Помяните моё слово – дельный мужик вырастет из Андрея, храбрый и честный. Воровать он не ворует, ни копейки, ни гвоздя. Фотография – не в счёт, влюблённые так часто делают. А девчонок многие обижают. Те должны уметь сдачи дать. Пускай дети между собой отношения выясняют, дерутся, но родители в это влезать не должны. Нельзя их пороть, ясно? Мы своих детей в строгости держим, но никогда не бьём, раз они ответить не могут. Из таких, поротых, трусы вырастают или, наоборот, звери, убийцы. Мария, я вот что тебе скажу. У меня три дочери, но сына я бы хотела такого, как твой. Надо же, до чего парень молодец! Столько людей на него кричит, а он не боится!..

Подъезжая к «Большому Дому», Андрей решил из подаренного миллиона тысяч двести пятьдесят отвезти Бэле. После гибели Власты она заболела; её муж давно умер. Роза и Дина сидели без работы, на иждивении старшей сестры. Теперь они тоже очень нуждались. А ведь к тридцатому апреля будущего года должен быть готов памятник.

Делом чести капитана Озирского будет позаботиться о том, чтобы монумент получился красивым, а его установка не причинила хлопот осиротевшей семье. Теперь мать Власты уже знала всю правду о её гибели, но ни разу не упрекнула Озирского, хотя могла бы. Бэла повторила те же слова, что сказала сразу после трагедии: «Погибнуть в бою – это честь, Андрей...»

А тогда, после собрания, ребята пригрозили на следующее утро не явиться в школу, если с Озирским что-нибудь сделают. Галина Селиверстова решила срочно менять квартиру. Поразительное единодушие одноклассников, защищающих проклятого бандита, произвело на неё едва ли не большее впечатление, чем неудавшийся суицид дочери. Две свои громадные комнаты на улице Маяковского семья отдала за двухкомнатную квартирку на Гражданке и переехала туда. Новый адрес Аллы некоторое время удавалось скрывать.

Впрочем, слухами мир полнится, и Андрею удалось узнать этот адрес от Ники Марьясовой. Накануне нового, семьдесят второго года, он приехал на проспект Науки. Там он встретил Аллу в обществе рослого парня, лет на пять старше их обоих. Парень был в куртке и лыжной шапке, как и сама Алла. Похоже, они катались в Пискаревском парке и теперь возвращались домой.

Конечно, для восемнадцатилетнего верзилы не составило труда избить своего младшего тёзку. Он пустил в дело и кулаки, и ноги, и лыжи, и палки. Алла, похоже, много что ему рассказывала, а теперь упивалась созерцанием заслуженной кары. Примерно таким же Андрей Селиверстов оставался и поныне, когда наводил дуло «Стечкина» на онемевших от ужаса продавщиц.

Пострадавший подросток имел полное право обратиться в травмпункт, зафиксировать телесные повреждения. После этого Мария подала бы на совершеннолетнего кузена Аллы в суд, а дед-генерал проследил, чтобы дело не замаяли. Ничего этого Андрей Озирский предпринимать не стал, даже никому не рассказал о случившемся.

Он долго носил водолазку, чтобы мать не заметила синяки. А обидчику пообещал найти его лет через пять, чтобы окончательно выяснить отношения. Правда, получилось попозже – спустя двадцать один год. Тёзки снова встретились лицом к лицу. Тогда же, вскоре после той вендетты, Андрей сошёлся с Никой Марьясовой и заставил себя забыть дорогу на Гражданку.

– А мне кореша не верят, что я самого Блада побил! – Селиверстов, которому было без одного месяца сорок, широко улыбнулся. – Я оценил твоё благородство и заужавал тебя.

– Не хочешь ли сейчас тряхнуть стариной? Наручники, естественно, я с тебя сниму. – Андрей присел рядом с задержанным на стул.

Тот отрицательно качнул коротко стриженной головой. Чёрная спортивная куртка переливалась на его широких плечах под лампой дневного света.

– Не в настроении я сегодня, – нехотя сказал Селиверстов, скользнув опытным взглядом по фигуре Озирского. – Да и зачем продолжать? Я тогда счёт закрыл.

– Ладно, проехали! – согласился капитан. – Как Алка-то поживает? Очень мне это интересно знать.

– Старшим научным сотрудником недавно стала.

Селиверстов осклабился и подмигнул двум другим рэкетира. Те внимательно наблюдали за этой милой беседой.

– А семейное положение?

– Холостая.

Озирский вспомнил девчонку в клетчатом пальто, и его сердце стукнуло сильнее обычного.

– Коса у неё всё такая же толстая?

– Какая там коса! Давно стрижка и «химия». Ты не горюй, Алка потом подурнела. Заучилась совсем...

– Жаль. А я как раз жену себе ищу, – поделился с задержанным капитан.

– Теперь она за тебя, может, и пошла бы. Когда подросла, ей всё стало ясно. Только вот дело какое... Ты ведь роковой мужчина, верно? Тех двух девчонок, которых ты кадрил, уже похоронили.

– Это верно. И тех, и двух других, на которых я женился. Так что Алке лучше держаться подальше, – согласился Озирский и опять вспомнил гадание Ливии. – А ты как чувствовал – отделал меня на славу. Большой уже был тогда, мог кухне объяснить, что к чему. Не захотел...

– Я знал только, что Алка из-за тебя вешалась. – Селиверстов пошевелил руками в «браслетах». – Надо же, двадцать с лишним лет прошло, а ты всё помнишь! Тогда уже было видно, что далеко пойдёшь. Даже не заревел, когда я тебе руку вывихнул. А мать моя всё ждала, когда менты к нам пожалуют. Суда боялась...

– Под суд ты сейчас пойдёшь, – успокоил Озирский. – Допрыгался, голубчик.

– Вылезай, приехали! – сказал Озирскому попутчик из уголовного розыска.

Андрей приоткрыл глаза и увидел, что они уже заехали во двор. Вот жизнь-зараза – Селиверстов жив и пакостит, а Власты с Никой нет на свете. И Димка Сочагин утонул на подлёдной рыбалке, в восемьдесят третьем году. Лыдина на Ладоге оторвалась при сильном ветре. Сочагин хотел перепрыгнуть на другую, но упал в воду и захлебнулся. У него осталась молодая вдова с двумя пацанами.

Сунув кулаки в карманы куртки, Андрей вошёл в здание, поднялся по лестнице. Кобура болталась под мышкой и сегодня почему-то особенно действовала на нервы. Хорошо, если Петренко сейчас будет один – о многом нужно поговорить.

Начальник одним глазом читал «Час Быка», а другим просматривал сводку за выходные. Перед ним стоял стакан чая и лежал бутерброд с сыром.

– Салют! – Подполковник протянул руку и взялся за подстаканник. – Значит, закончил одно из дел?

– Закончил. Как раз хочу попроситься на работу по иностранцам.

– Сначала пускай наш Приап, Александр Львович, поработает. Я ему передал задание прямо с утра. Вроде, он уже трезвый. А ты садись, не торчи.

Петренко встал и убрал надкусанный бутерброд, а также книгу Ефремова, разгрёб бумаги на столе.

– Теперь уже окончательно решено – Турчин выходит десятого, через неделю.

– Да?! Всё-таки отказался от инвалидности! А то вопрос всё время оставался открытым, – обрадовался Андрей, устраиваясь в кожаном, с заклёпками, кресле.

– Говорит, что в состоянии сидеть за столом, и языки не забыл. Да, Андрей, на тебе сейчас много чего висит?

– Не-а. кроме сегодняшнего, ещё одно дельце передаю в прокуратуру. Это оказался элементарный маньяк – не по нашей части. Третье планирую завершить прямо сегодня. По нему мы работаем с ОБЭП, речь идёт о липовых страховках. Да, Иваныч, я тут посоветовался со знающим человеком насчёт возможности спровоцировать сердечный приступ у здорового субъекта. – Андрей закурил и подкинул на ладони зажигалку.

Петренко перегнулся через стол, и его очки съехали на самый кончик носа.

– И?...

– Можно, если внутривенно ввести сулему. Хоть верь, хоть нет.

– Ого! Это интересное предположение... Одну минуту.

Геннадий схватил трубку местного телефона и набрал номер. В трубке послышались длинные гудки, и Петренко подмигнул Озирскому.

– Я тебе уже сразу объявляю благодарность... Да, мне нужен Дубинец. Это по поводу господина Санторио. В прокуратуре? Спасибо, всего доброго. Что, сулема действительно так действует? Раньше не слыхал. – Он прижал рычаги и снова набрал номер.

– Консультант – доктор химических наук, к тому же – медик от Бога. Я думаю, что ему можно верить, – серьёзно сказал Озирский.

– Я понимаю, кто это такой, – кивнул подполковник. – Только не Бога он, а от Дьявола. Я ведь не сомневаюсь в его словах, просто очень неожиданно и интересно... Да, это Петренко! Дубинец у вас? Скажите ему, что есть новости по делу Санторио. Да, очень срочно! Разумеется, подожду.

Пока в прокуратуре искали Дубинца, Петренко протянул руку и, не глядя, извлёк вишнёвую коленкоровую папку. Оттуда вынул фотографию курчавого полноватого мужчины лет пятидесяти, в смокинге с «бабочкой», протянул Андрею.

– Это господин Санторио. Приглядишься пока к нему... Да, я вас слушаю. Скажите, чтобы подошёл скорее! Не могу я весь день висеть на городском. А-а, Алексей Алексеевич, доброе утро! Петренко беспокоит. Тут мне Озирский интересную идею подкинул. Заслуживающий доверия консультант-специалист, химик и медик, сказал, что сердечный приступ у здорового человека можно вызвать инъекцией сулемы в вену... Слышали что-нибудь подобное? – Петренко левой рукой рисовал на перекидном календаре рожи. – Припоминаете? Я считаю, что не мешало бы как можно скорее провести соответствующий анализ. Да нет, это же Андрей высказал предположение, да и то с чужих слов. А я вообще не причём. Значит, проводите экспертизу, а потом уже звоните. По зелёной улице пропускайте все мероприятия, связанные с Санторио. Мне наплевать, что он иностранец. Просто способ убийства слишком оригинальный. Как бы тут новая серьёзная группировка не замаячила, вот в чём дело... Ага, заранее спасибо, только не чешитесь. Сразу проверьте, есть ли на венах покойного следы от уколов, а в тканях – соли ртути. Результат сообщите в любое время дня и ночи. Всего доброго, очень жду.

– Гладкий дядечка. – Андрей рассматривал лицо Санторио. – Получается, Дубинец слышал о таких случаях?

– Говорит, что в институте, чисто теоретически, о таком упоминали. Но на практике он не сталкивался. Значит, так. Лично мне лишний раз не хочется встречаться с Минцем. Ты уж, будь другом, отнеси ему эту папку. Тут все данные по Санторио – на русском, итальянском и английском. Если потребуются дополнительные переводы, пусть делает их на месте. Александр Львович должен выяснить, не было ли в прошлом нашего покойника каких-то тёмных страниц. А вдруг он, под другой фамилией, числится в банке данных Интерпола? Ты пока закругляйся с ОБЭП и четвёртого, максимум, пятого, приступай к работе по Санторио.

Загудел городской аппарат. Звонил Дубинец – следователь по особо важным делам. Андрей уже собрался уходить, но Петренко сделал знак, чтобы он задержался.

– Да-да! Есть след? Всё, проводите анализ, а нам пока достаточно этого. Всё сбивают нас с мысли, – посетовал подполковник. Положив трубку на аппарат, он отъехал к стене в вертящемся кресле на колёсиках. – След от укола имеется, поздравляю.

– Начало удачное, Иваныч. У тебя пока всё, или ещё есть вопросы?

– Ты твёрдо решил работать по этому делу? Я ведь не приказываю, а только прошу.

– Конечно! У меня уже хвост трясётся, и глаза горят.

Андрей снял куртку – ему было жарко. Небо за пыльным стеклом светлело, наливаясь зноем.

– Вот, у меня здесь справочка от Дубинца. Он звонил Горбовскому и просил нас помочь. Без Интерпола также не обойтись, поскольку речь идёт об иностранцах. Неизвестно, куда кривая выведет. Ты пока читай, а мне нужно ненадолго сходить по делу. – Петренко шлёпнул на стол папку.

Оставшись в одиночестве, Андрей по-хозяйски придвинул к себе вентилятор, а потом закинул ноги на противоположное кресло. Наслаждаясь прохладой, он развернул скоросшиватель и принялся изучать материалы. Пока их было немного – протоколы допросов швейцара из отеля Авласенко И.И., горничной Останиной М.Н. и портье Борхвардта Г.К.

Все они, будучи допрошенными по отдельности, показали, что к синьору Марио Санторио «скорая» в гостиницу не приезжала. Следовательно, никаких уколов ему официально не делали. Диспетчерами такой вызов не принимался – ни из отеля, ни с улицы, ни из какого-либо другого места.

Борхвардт показал, что тридцатого июля вечером Санторио явился в отель около десяти. Он был бледнее обычного и что-то шептал себе под нос. Этот факт подтвердил и Авласенко. Он добавил, что синьор прибыл на такси, которое потом уехало к Садовой по Невскому. Номера швейцар, к сожалению, не запомнил. Останина клятвенно уверяла, что Санторио после этого из номера не выходил и на самочувствие никому не жаловался.

По данным экспертизы, смерть наступила примерно в пять утра, тридцать первого июля. В папке Петренко Андрей нашёл снимок – мёртвый итальянец лежал поперек кровати. Он был босой, прижимал к лицу обе ладони. В протоколе было отмечено, что при осмотре на стенках унитаза и раковины обнаружены частицы рвотных масс. При сердечных приступах рвота случается, и отравление поэтому не заподозрили. Если бы родители не подняли скандал, так бы всё и осталось. Да, всё описали подробно. Частицы идентичны обнаруженным при вскрытии в полости рта, пищевода и желудка...

Из дальнейших записей Андрей узнал, что в крови и моче покойного был обнаружен этиловый спирт, процент которого соответствовал лёгкой степени опьянения. Допросов бармена Зайцева Ю.А. и официанта Серединского А.В. прояснили ситуацию не намного. Санторио в ресторане при отеле не выпивал, а приехал откуда-то из другого места. Раньше он два раза навещал бар и ресторан, но вот именно тридцатого июля синьора Марио там не было.

Озирский глянул поверх бумаг и увидел бегущего между цветочными горшками паука-крестовика. Паук спустился на подоконник с верхней рамы. Андрей щелчком сбросил его на пол, но давить не стал – животное полезное.

И снова, второй раз за день, он вспомнил Аллу. Однажды, на контрольной по алгебре, он послал ей записку «С днём рождения!», в которую завернул такого вот паучка. Селиверстова, обнаружив его, грохнулась без сознания прямо в проход. Естественно, никакой контрольной толком не вышло. Пока бегали в медкабинет, да в учительскую, да звонили родителям, кончился урок. Этого и добивался Озирский – к контрольной он, конечно же, не подготовился.

Андрей встал с кресла и только собрался поискать свободную папку, чтобы унести документы, как вернулся Петренко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.